

Г. Г. Гиздатов

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай-хана, Алма-Ата, Казахстан

ORCID ID: 0000-0002-6014-4183 E-mail: gizdat@mail.ru.

Дискурс идентичности в медийном пространстве современного Казахстана

АННОТАЦИЯ. В статье представлен дискурсивный анализ казахстанского медийного пространства. В качестве основы интерпретации текста выбраны модели ситуаций. В работе выявлен и подтвержден конкретными примерами сложившийся в культурной практике страны симбиоз постсоветской и постколониальной идентичностей. В трактовке исследователя, три базовых проекта являются тем самым постоянным интертекстом, который определяет политические, социальные и культурные границы всего казахстанского общества. Евразийский проект полностью состоялся в официальном русскоязычном дискурсе, пантюркистский в допускаемой государством мере влияет на казахский общественный дискурс, либеральный проект частично присутствует в политическом дискурсе, больше отмечен в арт-дискурсе (через деколониальные тенденции и посредством них). Все проекты — это одновременно постоянные константы и рамки, за пределы которых «носители» этих дискурсов предпочитают не выходить. Концепты власти, идеологии и истории определены в рамках теории критического дискурс-анализа как базовые концепты казахстанского дискурса, представлено также их отражение в ассоциативном сознании носителей русского и казахского языков. В полученных результатах определены тенденции и когнитивные стратегии официального и массового дискурса: от сохранившихся советских штампов до становящейся национальной идентичности. Новизна работы обусловлена материалом и методикой анализа, согласно которой постулаты когнитивных теорий подкрепляются наработками критического дискурс-анализа. В представленной работе при анализе публицистических жанров, речевых средств и риторических стратегий, а также собственно языковой гибридности выявлены идеологические конструкции конкретного времени и пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс идентичности; дискурс-анализ; национальная идентичность; культурные практики; медиапространство; политические проекты; журналистика; медиалингвистика; медиатексты; медиадискурс СМИ; средства массовой информации; политический дискурс; казахские СМИ; казахский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гиздатов Газинур Габдуллович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры международных коммуникаций, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай-хана; 050022, Казахстан, г. Алматы (Алма-Ата), ул. Муратбаева, 200; e-mail: gizdat@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гиздатов, Г. Г. Дискурс идентичности в медийном пространстве современного Казахстана / Г. Г. Гиздатов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 127—133.

Анализ дискурса во всех его возможных временных и жанровых проявлениях предполагает различные подходы: психологический, семиотический, социологический, культурологический, психолингвистический [Водак 2017; Дейк 2013; Марков 2018; Чудинов 2006], в том числе с их желательным междисциплинарным объединением. Важно подчеркнуть, что модели ситуаций действительно необходимы нам в качестве основы интерпретации текста [Дейк 2000: 161]. По-прежнему вызывающая споры теория медиальности [Маклюэн 2017; Murašov 2016] и становящаяся на наших глазах актуальная теория культурной антропологии [Бахманн-Медик 2017] в этом случае существенно дополняют и расширяют собственно филологические исследования и подходы. В свою очередь, по отношению уже к казахстанской научной практике подобный междисциплинарный подход позволяет преодолеть существующий кризис в гуманитарных областях. Поясним, что на сегодняшний день очевидна

не всегда осознаваемая даже самими авторами интеграция лингвистических изысканий с политическими концепциями.

Так, традиционно казахстанские лингвисты, в особенности ориентирующиеся на российские линвокультурологические исследования, появившиеся в начале 1990-х гг., декларируют общность казахской и русской культуры, обязательно противопоставляя ее западным ценностям. Опыт так называемых «российских концептуалистов» вполне соотносится с национализмом казахских лингвистических штудий. В других, более поздних по времени выхода казахстанских психолингвистических работах, приводятся разного рода списки слов, которые, по мнению их составителей, отражают значимые для казахской культуры понятия. Неизбежные замечания о том, что подобного рода концепты универсальны для большинства европейских и постсоветских культур, остаются явно без внимания. При этом в самом научном исследовании происходит алогичная

подмена: типичные для современной казахской культуры черты и идеи устанавливаются исключительно на основании фольклорных материалов, классических литературных произведений, крылатых выражений и прочего. Иначе говоря, отбираются только те в значительной мере архаичные источники, которые являются самопрезентационными: в них отражается то, как сам народ представляет себя, каким хотел бы себя видеть, а не то конкретно-реальное, что в нем есть. Порой подобные источники демонстрируют и то, каким бы хотели видеть свой народ правители, государство или как они хотели бы «конструировать» его в нужном ключе. Противостоять подобной националистической идеологизации, тенденциозности исследований можно и нужно посредством дискурсного анализа, выявляющего новации словоупотребления, сдвиги значений, способы заимствований и передачи чужой речи.

Заметим, что наиболее объективными в данном контексте представляются данные немногочисленных психолингвистических исследований [Дмитрюк, Молдагалиева 2014; Дмитрюк 2016]. Ассоциативные материалы для любого языка традиционно выступают как объективный источник при когнитивных, культурологических и социально-психологических исследованиях.

На сегодняшнем этапе развития казахстанской лингвистики попытка осмыслить современные казахстанские тексты, другие образчики дискурсивной практики с использованием методов критических дискурсивных исследований не предпринималась. В свете этого неизбежны вопросы: чем является казахстанский дискурс — механическим или органическим соединением культур (вспомним еще недавно популярный в политическом дискурсе тезис о «лаборатории 120 языков»)? Что есть «дискурсивная» история Казахстана конца XX и XXI в. — от перестройки до середины двухтысячных? Каковы функции признаваемых политико-идеологических дискурсов?

Наиболее очевидным при анализе дискурсивного политико-идеологического пространства Казахстана является демонстрируемый медийным полем страны сложившийся симбиоз постсоветской и постколониальной идентичностей. Политические, социальные и культурные границы всего казахстанского общества определяются тремя проектами, выступающими в роли интертекста. В официальном русскоязычном дискурсе полностью реализовался евразийский проект, пантюркистский близок к национал-патриотическому и популярен в казахском дискурсе, частично присутствует в полити-

ческом дискурсе (благодаря влиянию новых медиа) либеральный проект, в основном фиксируемый в арт-дискурсе (за счет деколониальных тенденций). Все указанные проекты — это одновременно константы и рамки, за пределы которых «носители» этих дискурсов предпочитают не выходить. Проекты стали теми «инструментами», которые отделяют одних («нас») от других («чужих»).

Первый из перечисленных, евразийский, воспринимается в Казахстане как пророссийский проект развития страны. На сегодняшний день евразийский проект — это по-прежнему официальная идеология Республики Казахстан. При этом можно признать несостоявшейся попытку придать евразийству статус общенациональной идеи. Подобная идея призвана быть ориентирующей системой ценностей, норм, составляющих суть конкретной цивилизации. Слова о евразийской культурно-гуманитарной интеграции в большей мере оказались декларативными заявлениями, служащими для оформления не принимаемого многими частями казахстанского общества политического проекта.

Некоторое время после распада СССР (этот период даже называли «политической оттепелью») Казахстан в 90-е гг. прошлого столетия действительно был страной с относительно высоким уровнем развития независимых от власти политических движений. Тогда и возникали идеологические основания пантюранизма (пантюркизма). Традиционно представители пантюркизма утверждают, что все тюркские народы составляют одну нацию, имеют общую прародину Туран. По-прежнему сторонники пантюркистского проекта выделяют следующие объединяющие факторы: этническое родство; единство религии; близость языков [Чеботарев 2015]. Эти идеи были популярны и до сих пор характерны для документалистики, кинематографа, публицистики, для всей арт-практики рубежа XX—XXI вв. Тем не менее понятие «Туркестан» в массовом сознании жителей современного Казахстана по разным причинам постепенно начинает выходить из оборота. Пантюркизм частично созвучен идеям национально-патриотического движения. Существует также и официальное осмысление общетюркской идеи, предполагающее исключительно культурологическое наполнение: 1) информирование о единых для всего тюркского мира выдающихся тюркских деятелях; 2) исследование общей литературы; 3) создание общего культурного пространства.

Либеральный проект на сегодняшний день не имеет какого-либо внятного осмысления. При этом была даже государственная

программа «Путь в Европу», формальной реализацией которой стало председательство Казахстана в 2010 г. в ОБСЕ. В то же время влияние новых медиа на формирование идентичности в рамках либеральных идей пока сводится к иллюзии участия в политике через конsumerистское потребление медийного политического продукта.

Все три охарактеризованных проекта отражают множественный характер постсоветской идентичности и ее же «застывший» характер. Единственная причина этого, как подчеркивают казахстанские политологи, состоит в продолжительном отсутствии единых национальных ценностей, способных создать общее культурное пространство [Коктейль Молотова. Анатомия казахстанской молодежи 2014: 34].

По сути сейчас после торопливых попыток реализовать невнятно осмысленные политические проекты мы наблюдаем в казахстанской практике «неловкий» возврат к соцреализму: «Соцреализм не есть нарратив; он есть дискурс, производящий — при посредстве нарратива — реальность» [Добренко 2008: 86]. Единственное, к чему могла обратиться государственная идеологическая машина, — это повторение базовой задачи социализма — производства действительности через переработку «реальности» в идеологически значимый продукт (в нашем случае посредством государственного информационного заказа). Приведем два характерных примера от казахстанского медиаэксперта [Шибуттов 2017]. Первый связан с частотностью появления новых статей на казахском языке в «Википедии»: с 2002 по 2007 г. опубликована 1000 статей (по 200 статей в год); с 2007 по 2011 зафиксировано 7000 статей (порядка 1750 статей в год); с 2011 по ноябрь 2012 представлено 192 000 статей (по 96 000 статей в год); с 2013 г. по данное время написано 17 488 статей (по 4372 статьи в год).

Этот феномен объясняется достаточно просто и связан с чисто формальными государственными мероприятиями. На пополнение национального раздела «Википедии» в 2011 г. государство выделило деньги, а также обязало ТОО «Казахская энциклопедия» передать свои тексты (около 50 000 статей на казахском языке) фонду «Викибилим». Посредническая организация перенесла архивные статьи в казахский сегмент «Википедии», подготовив новые тексты разного уровня качества. Зато на сегодняшний день Казахстан занимает уже 36 место среди всех стран по объему локального раздела «Википедии».

Более показателен другой пример — производство смыслов государством. При-

ведем статистику новостей на известном казахстанском информационно-аналитическом портале «Информбюро» за один день: из 49 новостей 3 — спортивные, 3 — международные, 3 — общественной тематики, 2 — бизнес-новости, 36 (73,4 %) — посвященные государству и его представителям. Таким образом, вследствие явного информационного заказа мир в СМИ видится только глазами государства.

Пытаясь установить общие для большинства граждан социокультурные характеристики, казахстанские социологи предложили точный в данном случае термин «мещанство». В концепции казахстанского практика-социолога «мещане» выступают как уже сложившийся слой [Илеуова 2015]. В данной общности четко прослеживаются доставшиеся из советского прошлого и не утратившие актуальности советские идеологемы, в том числе догматизм и поверхностность мышления. *По сути это новое невежество, формируемое при помощи государственного информационного заказа медийными средствами. Все это возвращает нас к принципам социалистической коммуникации 30-х годов* [Мурашов 2013: 167]. Именно поэтому слухи и социальные сети стали единственными источниками, которым доверяют современные казахстанцы.

Подтвержденным фактом можно признать влияние постсоветских мифологических конструкций недавнего прошлого на сознание становящегося казахстанского общества. В этом плане показательна одна из новаций последнего времени — идеологема «новый казахстанский патриотизм», являющаяся вторичной по отношению к провозглашенному российскому патриотизму, в свою очередь воскрешающему советские идеологические установки. При этом в массовом сознании очевиден крен к ценностям советского прошлого. Подавляющее большинство научных, художественных и публицистических текстов, арт-продуктов закономерно отличаются резонерством, обилием канцелярита и антропоцентризмом истолкования — качествами, идеально соответствующими законсервированному пространству и времени.

В такой ситуации любопытно исследование не только практик создания явлений культуры, но и практик их восприятия. Положение о том, что мы привыкаем к языку как первичному объяснению мира и начинаем мыслить окружающий мир только «по букварю» [Марков 2018], является перспективным и результативным в медиалогической парадигме исследований. Понимание языка как такого же медиума, как телевизор, радио,

приводит в наших реалиях к пониманию языка как сковывающего наше познание и внушающего нам политические, социальные, эстетические суеверия. Реальность в казахском медиадискурсе пока представляет все три формы ложного сознания по С. Зенкину [Зенкин 2011]: предрассудки, идеологию и симулякры, выраженные в ведущих когнитивных стратегиях.

Это подтверждается при обращении к представлениям массового сознания, отраженным в ассоциативных полях для одних и тех же слов-стимулов русского и казахского языков. Выбор слов-стимулов определен их вхождением в число базовых концептов политического и медийного дискурса. В значительной мере на выбор нашего исходного материала повлияли концепция и конкретная методика анализа Рут Водак [Водак 2011: 287].

Ниже приводятся только высокочастотные реакции (до 5 одинаковых реакций) к словам-стимулам *власть* — *билік*, *общество* — *жеке тұлға*, *культура* — *мәдениет*. Пилотный психолингвистический эксперимент проводился в 2017—2018 гг. по методике свободного ассоциативного эксперимента, информантами выступили соответственно русскоязычные и казахскоязычные (казахи) жители Казахстана (Алм-Ата, Астана, Тараз, Кокшетау и другие города) с высшим образованием, в гендерном отношении 58 % опрошенных составили женщины, 42 % — мужчины (в среднем по 115—120 информантов в возрасте от 25 до 58 лет, соответственно количество реакций также варьируется в пределах 115—120 слов; ниже рядом со словом-реакцией указана повторяемость реакции в ассоциативном поле). Реакции на слова-стимулы казахского языка считаем целесообразным дать в переводе на русский язык.

Власть (русскоязычные) — *сила* (16), *президент* (14), *правительство* (11), *деньги* (7), *народ* (7), *политика* (6), *государство* (6), *деньги* (5).

Власть — *билік* (казахскоязычные) — *правительство* (20), *политика* (16), *глава государства* (15), *управление* (13), *карьера* (9), *сила* (8), *владычество* (5).

Общество (русскоязычные) — *люди* (22), *народ* (16), *социум* (12), *государство* (5), *мнение* (5), *общество* (5).

Общество — *жеке тұлға* (казахскоязычные) — *народ* (21), *окружающая среда* (16), *люди* (13), *страна* (12), *свобода* (9), *социальное общество* (7), *государство* (5).

Культура (русскоязычные) — *воспитания* (7), *поведения* (6), *история* (5), *наследие* (5).

Культура — *мәдениет* (казахскоязычные) — *искусство* (25), *воспитание* (17), *обычай* (12), *общество* (7).

Языковое мышление русскоязычных и казахскоязычных жителей Казахстана отражает проявившийся еще в советские годы процесс русификации коренного населения бывшей советской республики. Так, анализ ассоциативных полей на материале современных русского и казахского языков показывает, что в большинстве случаев ассоциации на материале двух языков не просто созвучны, они в равной мере являются «литературоцентричными», полностью следуют из существующего русскоязычного публицистического дискурса. Несмотря на то, что слова-стимулы относятся к идеологической и исторической сфере, ассоциативные реакции на материале двух языков лишены этнического и эмоционального компонентов [см. также: Gizdatov, Sopiaeva 2018].

Очевидная в России и Казахстане актуализация советских образов и символов иногда и вовсе лишена идеологической составляющей. В результате становятся условными попытки конструирования не будущего и прошлого, а современности. Точнее всего суть происходящего в медийном пространстве может быть объяснена в терминах из демонстрирующей междисциплинарный подход работы арт-критика В. Ибраевой [Ибраева 2014]. Эти собственно культурологические формулировки и термины (сохранение советской эстетики, попытка «возродить» «придуманные» сейчас национальные традиции, реинкарнация забытого, наконец, общеглобалистические тенденции с критикой модерна и этнопрогнозирования) легко проиллюстрировать примерами из самого официального и массового дискурса. В казахском медиадискурсе преобладают исторические материалы, статьи о батырах, акынах и национальных традициях. Один из историков-публицистов — авторов подобных материалов весьма искренен в своем желании изменить прошлое: «Мы возрождаем свое далекое, незнакомое прошлое прежде всего в своем историческом сознании, потом уже — в сознании других» [Кшибеков 2006: 3].

Постсоветскость — это не только темпоральное обозначение, задающее хронологические рамки, это, по всей видимости, оптимальный термин для гибрида советских институциональных и культурных характеристик и того, что возникло в результате распада Советского Союза. Следует признать, что идеологическое наполнение казахстанских реалий советским содержанием и оценкой неизбежны. Немецкая исследовательница Алейда Ассман, ставшая одним из осно-

воположников теории культурной памяти, обоснованно указывает на объективный и неизбежный характер селективного воспроизводства прошлого [Ассман 2017: 223]. Она прослеживает эту тенденцию на примере ряда европейских стран, России и Америки.

Одновременно с этим стала более явной и агрессивной манипулятивность российской и казахстанской журналистики. Быть может, поэтому в казахстанской массовой культуре последних семи — десяти лет распространены риторические приемы манипулирования массовой аудиторией с суггестивными принципами речевой терапии. К таковым относится, во-первых, упрощение смысла. В казахстанском дискурсе налицо новое «пришествие» канцелярита. Приведем последние его образчики, спускаемые от государства населению: «молодежный кадровый резерв», «фактор культуры в эпоху кризиса», «прорывные проекты», «программы на развитие потенциала молодежи» и т. п.

Любопытно в данном контексте рассмотреть данные исследования молодежного языкового сознания, поскольку они в определенной мере подтверждают существование отмеченных тенденций. Сравнение делалось на основе высокочастотных ассоциаций, выявленных у русскоязычных студентов Алма-Аты (18—22 года, количество реципиентов — от 115 до 125 человек) для ряда слов. Ниже приводятся высокочастотные зоны только к двум словам-стимулам: *советский* — *старый* (20), *союз* (19), *качественный* (12), *фильм* (7), *человек* (5) и *Советский Союз* — *Сталин* (19), *СССР* (11), *коммунизм* (9), *Ленин* (6), *труд* (6). Зафиксирована исключительно позитивная и некритическая оценка истории, во многом предопределяемая, на наш взгляд, существующим учебно-историческим подходом. В любом случае обнаружить в казахстанском молодежном языковом сознании проявления культуры постмодерна, в том числе критическую молодежную установку или следование определенной идеологии, не представляется возможным. Вынуждены констатировать, что, как и в варианте со «взрослыми» ассоциативными полями, на основании полученных данных языковое сознание молодежи характеризуется ложным пафосом, обезличенностью и заурядностью осмысления недавних исторических событий.

Налицо в казахстанском общественном и образовательном дискурсе также явление, получившее в психологии название «резонерство». В характеристику этого понятия входят слабость суждений, многоречивость, претенциозно-оценочная позиция, многозначительность. Приведем характерные приме-

ры, выявляющие заданность культурного кода. Как менялся язык школьных учебников в Казахстане на протяжении последних нескольких лет? По какой причине, например, критиковались предыдущие учебники русского языка? За традиционный и не меняющийся чуть ли не с 1930-х гг. выбор речевого материала, сомнительное качество текстов местных авторов. В этих книгах было много архаичных литературных и языковых штампов пятидесятих годов прошлого столетия: «незапамятные времена», «ласковые живительные лучи», «богатство, нажитое непосильным трудом». Подобные знаки-символы хорошо иллюстрируют старые советские мультфильмы. На смену архаике 50-х годов пришли обновленные (они внедрялись по отдельной программе) учебники последних двух лет, ставшие символом уже «лихих» 90-х, явно устаревшие еще до своего выхода в печать. В них есть информационный наив, есть примитивное графоманство в формулировке учебных заданий. Сентенции из любого нового школьного учебника обязательно глубокомысленны: «Если вы читаете этот текст, вы счастливый человек, потому что вы не принадлежите к тем двум миллиардам людей, которые не умеют читать!» («Русский язык», 5 класс). Большая часть материала в этих учебных текстах дана именно в такой навязываемой стилистике. Это и есть язык нашего медийного пространства, скудного, космополитичного и поверхностного по своей сути.

На сегодняшний день роль «дискурсивного» критика при практическом отсутствии политологических концепций и соответствующей критики в стране взяло на себя актуальное искусство. Оно стало тем самым «посредником», который идеально подходит для передачи множества идей, хаотично, но с исторически неизбежной закономерностью возникающих в стране, оно же верно подмечает квазиреальность мира казахстанского общественного и культурного пространства. Те процессы, которые происходят или, наоборот, не случаются в общественной и социальной практике, акцентируются посредством актуального искусства и художественного авангарда. Как ни странно, при этом немногочисленные образчики казахстанского постколониального искусства обнаруживают глубинное сходство с советским соцреализмом: тематическую общность, назидательный и пафосный характер, свободу от логики и вкуса. Во многих случаях даже в казахстанской научной и культурной практике мы имеем дело лишь с имитационным анализом.

Медиадискурс так же, как искусство или литература, проблематизирует соотношение

языкового и культурного компонентов в массовом сознании, начиная с их «зеркального» слияния и кончая образцами деконструкции. В перспективе необходим анализ как «горизонтальной» репрезентативности (на примере если не всех видов медиа, то хотя бы основных), так и обращение к «вертикальной репрезентативности» («высокие» и «низкие» тексты, паранаучные труды).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
3. Водак Р. Критическая лингвистика и критический дискурс-анализ // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 286—290.
4. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? — Харьков: Гуманитарный центр, 2018. 404 с.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск, 2000. 308 с.
6. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Либроком, 2013. 352 с.
7. Дмитриук Н. В., Молдагалиева Д. А. [и др.]. Казахский ассоциативный словарь. — Алматы; Москва: Медиа — ЛогоС, 2014. 330 с.
8. Дмитриук Н. В. Ассоциативная модель анализа лингвистических проблем плюрализма // Вестн. Кокшетауск. ун-та. Сер. филологическая. 2016. № 3. С. 36—42.
9. Добренко Е. Политэкономика соцреализма. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
10. Зенкин С. Ложное создание: теория, история, эстетика. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. 235 с.

G. G. Gizdatov

Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

ORCID ID: 0000-0002-6014-4183

✉ *E-mail:* gizdat@mail.ru.

11. Ибраева В. Искусство Казахстана: постсоветский период. — Алматы, 2014. 144 с.
12. Илеуова Г. Современное мешчанство: социальный конформизм или адаптация к жизненной среде? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/396-sovremennoe-meshchanstvo-sotsialnyj-konformizm-ili-adaptatsiya-k-zhiznennoj-srede> (дата обращения: 14.01.2019).
13. Коктейль Молотова. Анатомия казахстанской молодежи. — Алматы: Альянс Аналитических Организаций, 2014. 194 с.
14. Кшибеков Д. К. Истоки ментальности казахов. — Алматы, 2006. 186 с.
15. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. — М.: Кучково поле, 2017. 464 с.
16. Марков А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна. Лекции по теории культуры. — М.: РИПОЛ классик, 2018. 256 с.
17. Мурашов Ю. Восток. Радио // Джамбул Джабаев: приложения акына в советской стране. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 138—170.
18. Чеботарев А. Е. Политическая мысль суверенного Казахстана: динамика, идеи, оценки. — Астана; Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 512 с.
19. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2006. 254 с.
20. Шибутов М. Государственная машина Казахстана по производству смыслов [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2227910.html> (дата обращения: 14.01.2019).
21. Gizdatov G. G., Sopiyeva B. A. Discourse and Identity in the Medial Space of Kazakhstan // Media Education (Mediaobrazovanie). 2018. No 58 (4). P. 29—38.
22. Murašov J. Das unheimliche Auge der Schrift. Mediologische Analysen zu Literatur, Film und Kunst in Russland. — München: Wilhelm Fink, 2016.

Discourse of Identity in the Media Space of Modern Kazakhstan

ABSTRACT. The article presents a discursive analysis of Kazakhstan media space. The text interpretation strategy is based on situation modeling. The symbiosis of post-Soviet and postcolonial identities which has developed in the country's cultural practice has been revealed and confirmed in the work with concrete examples. According to the researcher, three basic projects constitute the constant intertext that defines the political, social and cultural boundaries of the entire Kazakhstan society. The Eurasian project has been completed in the official Russian-language discourse, the Pan-Turkic project influences the Kazakh public discourse to the extent permitted by the state, and the liberal project is partially present in the political discourse, and more marked in the art discourse (via decolonial trends). All projects are at the same time constants and frames, beyond which the «carriers» of these discourses prefer not to go. The concepts of power, ideology and history are defined within the framework of the theory of critical discourse analysis as the basic concepts of Kazakhstan discourse. The article also describes their reflection in the associative consciousness of the speakers of the Russian and Kazakh languages. The article indicates the trends and cognitive strategies of the official and mass discourse: from the surviving Soviet stereotypes to the emerging national identity. The novelty of the work is determined by the material and the methods of analysis, according to which the postulates of cognitive theories are supported by the findings of critical discourse analysis. While analyzing publicistic genres, verbal means and rhetorical strategies, as well as language hybridity proper, the given study reveals the ideological constructions of a concrete time and space.

KEYWORDS: discourse of identity; discourse analysis; national identity; cultural practices; media space; political projects; journalism; media linguistics; media texts; mass media discourse; mass media; political discourse; Kazakhstan mass media; Kazakh language.

AUTHOR'S INFORMATION: Gizdatov Gazinur Gabdullovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of International Communication, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan.

FOR CITATION: Gizdatov, G. G. Discourse of Identity in the Media Space of Modern Kazakhstan / G. G. Gizdatov // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 127—133.

REFERENCES

1. Assman A. Are the Connection of Times Broken? The Rise and Fall of the Temporal Mode of Modernity. — Moscow : New Literary Review, 2017. 272 p. [Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 272 s.]. — (In Rus.)
2. Bakmann-Medik D. Cultural Turns. New Benchmarks in the Sciences of Culture. — Moscow : New Literary Review, 2017. 504 p. [Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 s.]. — (In Rus.)
3. Vodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Political Linguistics. 2011. No. 4. P. 286—290. [Kriticheskaya lingvistika i kriticheskiy diskurs-analiz // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4. P. 286—290]. — (In Rus.)
4. Vodak R. Politics of Fear. What does the Discourse of Right-wing Populists Mean? — Kharkov : Humanitarian Center, 2018. 404 p. [Politika strakha. Chto znachit diskurs pravyykh populistov? — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2018. 404 s.]. — (In Rus.)
5. Deyk T. A. van. Language. Cognition, Communication. — Blagoveshchensk, 2000. 308 s.]. — (In Rus.)
6. Deyk T. A. van. Discourse and Power. Representation of Dominance in Language and Communication. — M. : Librokom, 2018. 352 p. [Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — M. : Librokom, 2013. 352 s.]. — (In Rus.)
7. Dmitryuk N. V., Moldagalieva D. A. [et al.]. Kazakh Associative Dictionary. — Almaty ; Moscow : Media — Logo, 2014. 330 p. [Kazakhskiy assotsiativnyy slovar'. — Almaty ; Moskva : Media — LogoS, 2014. 330 s.]. — (In Rus.)
8. Dmitryuk N. V. Associative Model for Analyzing the Linguistic Problems of Plucentrism // Herald of Kokshetau Univ. Ser. philological. 2016. No. 3. P. 36—42. [Assotsiativnaya model' analiza lingvisticheskikh problem plyutsentrizma // Vestn. Kokshetausk. un-ta. Ser. filologicheskaya. 2016. № 3. S. 36—42]. — (In Rus.)
9. Dobrenko E. The Political Economy of Socialist Realism. — Moscow : New Literary Review, 2007. 592 p. [Politekonomiya sotsrealizma. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 592 s.]. — (In Rus.)
10. Zenkin S. False Creation: Theory, History, Aesthetics. — Moscow : New Literary Review, 2011. 235 p. [Lozhnoe sozдание: teoriya, istoriya, estetika. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 235 s.]. — (In Rus.)
11. Ibraeva V. Art of Kazakhstan: the Post-Soviet Period. — Almaty, 2014. 144 p. [Iskusstvo Kazakhstana: postsovetskiy period. — Almaty, 2014. 144 s.]. — (In Rus.)
12. Ileuova G. Modern Philistinism: Social Conformism or Adaptation to the Living Environment? [Sovremennoe meshchanstvo: sotsial'nyy konformizm ili adaptatsiya k zhiznennoy srede?] [Electronic resource]. URL: <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/396-sovremennoe-meshchanstvo-sotsialnyj-konformizm-ili-adttatsiya-k-zhiznennoj-srede> (date of access: 14.01.2019). — (In Rus.)
13. Molotov Cocktail. Anatomy of Kazakhstani Youth. — Almaty : Alliance of Analytical Organizations, 2014. 194 p. [Kokteyl' Molotova. Anatomiya kazakhstanskoy molodezhi. — Almaty : Al'yans Analiticheskikh Organizatsiy, 2014. 194 s.]. — (In Rus.)
14. Kshibekov D. K. The Origins of the Mentality of the Kazakhs. — Almaty, 2006. 186 p. [Istoki mental'nosti kazakhov. — Almaty, 2006. 186 s.]. — (In Rus.)
15. Maklyuen G. M. Media Understanding: External Human Extensions. — Moscow : Kuchkovo Pole, 2017. 464 p. [Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. — M. : Kuchkovo pole, 2017. 464 s.]. — (In Rus.)
16. Markov A. V. Postmodern in Culture and Culture of Postmodern. Lectures on the theory of culture. — M.: RIPOL Classic, 2018. 256 p. [Postmodern kul'tury i kul'tura postmoderna. Lektsii po teorii kul'tury. — M. : RIPOL klassik, 2018. 256 s.]. — (In Rus.)
17. Murashov Yu. East. Radio // Dzhambul Dzhabaev: Adventures of Akyn in the Soviet Country. — Moscow : New Literary Review, 2013. P. 138—170. [Vostok. Radio // Dzhambul Dzhabaev: prikl'yucheniya akyna v sovetskoy strane. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. C. 138—170]. — (In Rus.)
18. Chebotarev A. E. Political Ideas of Sovereign Kazakhstan: Dynamics, Ideas, Assessments. — Astana ; Almaty : IWEP under the Foundation of the First President, 2015. 512 p. [Politicheskaya mysl' suverennogo Kazakhstana: dinamika, idei, otsenki. — Astana ; Almaty : IMEP pri Fonde Pervogo Prezidenta, 2015. 512 s.]. — (In Rus.)
19. Chudinov A. P. Political Linguistics : tutorial. — Moscow : Flinta : Science, 2006. 254 p. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.]. — (In Rus.)
20. Shibutov M. The State Machine of Kazakhstan for the Production of Meanings [Gosudarstvennaya mashina Kazakhstana po proizvodstvu smyslov] [Electronic resource]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2227910.html> (date of access: 14.01.2019).
21. Gizdatov G. G., Sopiyeva B. A. Discourse and Identity in the Medial Space of Kazakhstan // Media Education (Mediaobrazovanie). 2018. No 58 (4). P. 29—38.
22. Murašov J. Dasunheimliche Auge der Schrift. Mediologische Analysen zu Literatur, film und Kunst in Russland. — München : Wilhelm Fink, 2016.